

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-85-93>

«Выпечка» и «молочка»: векторы языковых изменений

Валентина Данишиловна Черняк

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, vdcher@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена активным процессам, наблюдаемым в современной речи, – экспансии отглагольных существительных и массовому распространению универбов. Эти явления обнаруживаются в весьма разнообразных по форме лексических единицах, образованных с помощью различных суффиксов. Материалом статьи являются отглагольные существительные, образованные с суффиксом -к- (*выпечка, запивка, мойка, переноска*), и универбы с омонимичным суффиксом (*молочка, социалка, ветеринарка, нулевка*), вовлеченные в активные процессы лексико-семантического варьирования. Источником материала послужили толковые и словообразовательные словари русского языка, Национальный корпус русского языка, тексты новейшей художественной литературы, записи устной разговорной речи. Широкое распространение отглагольных существительных с типичными метонимическими переносами в этой группе лексики и чрезвычайное распространение, особенно в разговорной речи, универбов – процессы, во многом определяющие динамику лексикона. Регулярность словообразовательных моделей согласуется с регулярностью метонимических переносов. Универбация как активное средство сворачивания неоднословных структур представляет характерное для разговорной речи компрессивное словообразование. Динамика лексических значений отражается в толковых словарях, представляющих словарный состав различных исторических эпох. Среди универбов есть слова, занявшие прочное место в литературном языке (*электричка, мореходка, зачетка*), и лексические единицы, возникшие в разговорной речи в последние годы (*санционка, удаленка*). Появление специальных словарей универбов дает богатый материал для исследования этого явления как в синхронии, так и в диахронии. Представляет интерес использование отглагольных существительных и универбов с омонимичным суффиксом в современной художественной литературе, где наблюдаются разнообразные формы авторской рефлексии. Проведенное исследование показало коммуникативную значимость двух процессов – образование отглагольных существительных и универбов с омонимичным суффиксом. Обращение к лексикографическим изданиям показывает типичный механизм лексико-семантического варьирования, связанный со стремлением говорящего лаконично передать ту или иную мысль или с помощью одной лексемы обозначить новые реалии.

Ключевые слова: компрессивное словообразование, отглагольные существительные, универбы, метонимия, узус, языковая мода

Для цитирования: Черняк В. Д. «Выпечка» и «молочка»: векторы языковых изменений // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 85–93. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-85-93>

“Vypechka” (pastries) and “molochnka” (dairy products): vectors of language changes

Valentina D. Chernyak

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, vdcher@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the active processes in modern speech, such as massive spread of univerbated words and verbal nouns. These phenomena can be seen in various lexical forms derived with different suffixes. The data used in the article is verbal nouns derived with suffix -k- (*vypechka, zapivka, moika, perenoska*) and univerbated words with homonymous suffix (*molochnka, sotsialka, veterinarka, nulevka*). These two groups of words are involved in active lexical and semantic variation processes. The data source is explanatory and word-formation dictionaries, The Russian National Corpus, latest fiction texts, colloquial speech recordings. *Results and discussion.* The lexicon dynamics is largely determined by two processes – on the one hand, by the wide expansion of verbal nouns with typical metonymic meaning transfer in this lexical group, on the other hand, by the extreme spread of univerbated words, especially in colloquial speech. The regular word-formation models correspond to regular metonymic meaning transfer. Univerbation as a means of folding multiple-word structures represents a compressive word-formation characteristic of colloquial speech. Lexical meaning dynamics is reflected in explanatory dictionaries that

represent vocabulary of various historical periods. Some unverbated words are placed firmly in literary language (*elektrichka, morekhotka, zacetka*), as well as the other have recently appeared in colloquial speech (*sanktsionka, udalenka*). Lately appearing special dictionaries of unverbated words provide rich material for this phenomenon study both in synchrony and in diachrony. What is of particular interest is the use of verbal nouns and unverbated words with the homonymous suffix in modern fiction, where various forms of author's reflection are observed. The conducted research has shown the communicative significance of two processes – the formation of verbal nouns and unverbated words with the homonymous suffix. The appeal to lexicographic publications shows a typical mechanism of lexical and semantic variation associated with the speaker's desire to convey different thoughts concisely or to denote new realities with a single lexeme.

Keywords: *compressive word-formation, verbal nouns, unverbated words, metonymy, usus, language fashion*

For citation: Chernyak V. D. "Vypechka" i "molochka": vektory yazykovykh izmeneniy ["Vypechka" (pastries) and "molochka" (dairy products): vectors of language changes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 6 (230), pp. 85–93 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-6-85-93>

Введение

Экспансия отглагольных существительных с типичными для этой группы лексики метонимическими переносами и чрезвычайное распространение, особенно в разговорной речи, универбов – процессы, во многом определяющие динамику лексикона современной языковой личности. Для обыденного языкового сознания эти процессы очень похожи, нередко образованные названными способами лексические единицы в повседневной речи употребляются вместе (ср.: «*Купи молочку и какую-нибудь выпечку*»). Одни из подобных лексических единиц давно занимают прочное место в словарях русского языка, другие распространены в узусе, но не зафиксированы в словарях, наконец, многие новообразования относятся к числу окказиональных. Массовое распространение в разговорной речи и отглагольных существительных, и универбов неразрывно связано с фактором языковой моды. Модное слово – «это новый филологический термин, за которым стоит не сухая абстракция, а языковая и жизненная реальность» [1, с. 3; 2; 3].

Материалом статьи являются отглагольные существительные, образованные с помощью суффикса -к-, и универбы с омонимичным суффиксом, вовлеченные в активные процессы лексико-семантического варьирования. Источником материала явились толковые и словообразовательные словари русского языка, Национальный корпус русского языка, тексты новейшей художественной литературы, записи устной разговорной речи, позволившие согласованно использовать дефиниционный и контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждение

В качестве одного из ведущих процессов, характеризующих современную языковую ситуацию, лингвисты отмечают парадоксальное соединение разностильных элементов, «глубинное и противоречивое сближение разговорности

и книжности» [4, с. 232], экспансию в различных дискурсивных практиках сугубо разговорных элементов. При этом в современной речи наблюдается постоянное «взаимодействие морфемной и семантической деривации» [5, с. 261], в контексте данной статьи – регулярных словообразовательных моделей и метонимического переноса.

Обратимся прежде всего к отглагольным существительным.

Как отмечает Е. С. Кубрякова в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке», в явлении транспозиции, связывающем слова разных частей речи, «сказывается удивительная способность человека видеть условность границ между процессом, объектом и его свойством и воспринимать различия между ними диалектически, в их противоречивости» [6, с. 159]. В частности, это свойство проявляется в том, что практически от любого глагола можно образовать имя существительное, используя тот или иной суффикс или бессуффиксальный вариант. Е. А. Земская относит этот словообразовательный процесс к одному из наиболее продуктивных [7, с. 219], при этом в группы, образованные по известным словообразовательным моделям, вливается новый лексический материал [8, с. 133], отражающий появление новых реалий, требующий в разговорной речи экононого обозначения.

Отсутствие ограничений обуславливает не только широкое распространение отглагольных существительных, семантически связывающих слова разных частей речи, но и то, что «говорящий все время имеет дело с альтернативными возможностями, он живет в мире вариантов» [9, с. 102], с которыми сталкивается в различных ситуациях. Обратимся лишь к одной, актуальной для Санкт-Петербурга, – разведению мостов. Сравним, как обозначают ее на многих рекламных сайтах для туристов (один из них иронично назван razvodmostov.spb.ru):

1. Невозможно представить себе Петербург без мостов. Всего в городе более 300 мостов, 13 из которых *разводятся*. Примерно с конца апреля по ноябрь месяц начинается период летней навигации. *Развод* мостов в Петербурге – одно из самых красивых зрелищ для гостей города.

2. В 2022 году в Санкт-Петербурге навигация начнется в начале апреля (а пробные *разводки* мостов – с конца марта) и продлится до середины ноября.

3. Официальный старт навигации по Большой и Малой Неве в 2022 году запланирован на 10 апреля. С этой даты *развод* мостов Петербурга осуществляется ежедневно в соответствии с графиком *развода* мостов.

4. Любоваться *разведенными* мостами можно прогуливаясь, лучше – проезжая по набережным: первые четыре моста через Неву *разводятся* в интервале 15–20 минут. Удачное место для наблюдения – Стрелка Васильевского острова – с этой перспективы мы сможете наблюдать *развод* Дворцового и Троицкого мостов. Для тех, кто желает полюбоваться *разведением* только Дворцового моста, опытные туристы предлагают местечко на Васильевском острове, с Университетской набережной в районе Кунсткамеры.

Выбор конкурирующих языковых единиц *развод* – *разводка* – *разведение* диктуется факторами моды и языкового вкуса. Отметим, что еще сравнительно недавно варианты *развод* и *разводка* рассматривались как речевые нарушения, связанные, в частности, с нежелательной контекстуальной многозначностью. Предпочтение отдавалось книжному слову *разведение*, которое сегодня явно отступает на второй план.

Регулярность словообразовательных моделей согласуется с регулярностью в разговорной речи метонимических переносов, о чем еще полвека назад писал Ю. Д. Апресян: «Регулярная многозначность подобна словообразованию в том смысле, что многие ее типы продуктивны» [10, с. 517]. Метонимические переносы являются одним из самых распространенных примеров регулярной многозначности. Как отмечали Дж. Лаккофф и М. Джонсон, метонимия, подобно метафоре, является частью нашего повседневного мышления, основана на опыте, подвергается общим и системным принципам, структурирует наши мысли и действия [11]. При метонимии семантическое поле расширяется вследствие соединения семантического компонента мотивирующего глагола с базовым признаком номинируемой реалии [12].

Приведем лишь несколько из многочисленных примеров: *выпечка* – ‘действие по глаголу *выпечь/выпекать*’ и ‘совокупность выпечных

изделий’; *заварка* – ‘действие по глаголу *заварить/заваривать*’ и ‘разг. количество сухого чая, завариваемого в чайнике за один раз’, ‘прост. заваренный, настоявшийся чай, не разбавленный кипятком’; *запивка* – ‘прост. то, чем запивают что-л. (обычно крепкие алкогольные напитки)’ (отметим, что в этом случае мотивирующее обозначение действия по глаголу *запивать* в речи обычно не используется); *заправка* – ‘действие по глаголу *заправлять/заправить*’ и ‘то, чем заправляют какие-л. блюда, например салаты’; *мойка* – ‘действие по глаголу *мыть*’, ‘машина, приспособленная для мытья’, ‘помещение, пространство, где моют машины’ и ‘раковина на кухне’; *переноска* – ‘действие по глаголу *переносить/перенести*’ и ‘сумка для переноски домашних животных’.

Показательны в контексте актуальных семантических переносов две зафиксированные нами в Новосибирске рекламы: *Поставь брекеты в октябре или ноябре и получи 8 **чисток** бесплатно; Специальный магазин для ресторанов, кафе, ночных баров, **выпечек**, спортивных клубов.* В последнем случае наблюдается двойной метонимический перенос: ‘1. Выпечное изделие. 2. Предприятие, специализирующееся на выпечке и продаже выпечных изделий’.

Отметим сходный по словообразовательному потенциалу суффикс *-лк-*, с помощью которого образуются очень актуальные в современной речи существительные, обозначающие предмет для выполнения действия, названного мотивирующим глаголом (*зажигалка, копилка, молотилка, поилка, сеялка, цедилка* и т. п.). Например, слово *читалка* приобрело новое значение ‘электронная книга’ (в отличие от старого разговорного ‘читальный зал’), *листалка* (‘навигационное электронное устройство, например в музее’). Интересен пример возможной конкуренции двух номинаций специальной полки, приспособления для сушки посуды – традиционного, зафиксированного в толковых словарях, *сушилка* и нового, разговорного *сушка*:

*Насте нужно было подумать. Совсем немного. Всего пару минут. Поэтому она решила сначала вымыть чашки и джезву, а уж потом сказать то, что собиралась. Чашки вымыты, поставлены на **сушку**, даже плита протерта влажной тряпочкой. Тянуть дальше повода нет (Маринина А. Тьма после рассвета).*

В приведенных примерах метонимические отношения реализуются внутри определенных когнитивных моделей, отглагольные существительные в соответствии с актуализацией тех или иных семантических компонентов попадают в разные лексико-семантические группы (напри-

мер, группы продуктов питания, предметов домашнего обихода, приспособлений/инструментов для определенных действий). Фактор языковой моды, обуславливающий предпочтительный выбор именно отглагольного существительного, ослабляет механизмы речевого контроля: говорящий использует то, что часто слышит, что позволяет ему экономно и без специальных усилий выразить мысль: «Вариативность языка обуславливают также активные инновационные процессы, происходящие на всех уровнях языковой системы, которые понимаются как процессы пополнения языка новыми элементами, не ставшими еще нормой, но ставшими уже узально-употребительными» [13, с. 9].

Современные лексикографические издания стремятся отразить изменения в семантической структуре слова, однако далеко не всегда успевают зафиксировать постоянно наблюдаемое расширение семантического объема отглагольных существительных. Приведем лишь один пример такой фиксации. В «Толковом словаре русской разговорной речи» [14] у слова *заморозка*, отсутствующего в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [15], выделяются три значения: 1. *Местная анестезия*. 2. *Морозильная камера в холодильнике*. 3. *Замороженные продукты* [14, с. 629]. В качестве иллюстраций в данной словарной статье выступают записи устной речи. Примечательна выделяемая в словаре актуальная для современной лексикографии зона Analog. «Аналоги – это слова, близкие по смыслу данному слову, но не являющиеся его синонимами; типичные аналоги – названия видов предметов, свойств, действий, объединяемые одним родовым понятием» [14, с. 20]. В качестве аналогов к третьему значению приводятся универбы *кондитерка* и *молочка*, что подтверждает органичную связь двух рассматриваемых в данной статье явлений, характерных для разговорной речи.

Остановимся подробнее на процессе универбации, и в этом случае имея в виду лишь один тип универбов – с омонимичным рассмотренному выше формантом *-к(а)*, придающим слову разговорную окраску: *безопаска* – ‘безопасная бритва’, *кондитерка* – ‘кондитерские изделия’, *сувенирка* – ‘сувенирная продукция’, *пятисотка* – ‘пятисотенная денежная купюра’, *побочка* – ‘побочная реакция’, *наземка* – ‘наземный транспорт’, *сменка* – ‘сменная обувь’, *ювелирка* – ‘ювелирные изделия’, *воскреска* – ‘воскресная школа’, *наличка* – ‘наличные денежные средства’, *художка* – ‘художественная школа’, ‘художественная гимнастика’, ‘художественная литература’, *пленарка* – ‘пленарное заседание’, *санкционка* – ‘санкционные продукты, товары’,

социалка – ‘социальная служба’, ‘социальная помощь’ и т. п. О продуктивности этой модели в разных сферах современной жизни свидетельствуют многочисленные номинации, возникающие почти автоматически из составных наименований [16, 17]. Универбация как активное средство сворачивания неоднословных структур представляет характерное для разговорной речи компрессивное словообразование. Результатом универбации является продуцирование семантически сжатых лексем, эквивалентных исходному устойчивому (или тяготеющему к устойчивому) словосочетанию.

Как уже отмечалось, компрессивное словообразование неразрывно связано с лексико-семантическими процессами.

Элементарным примером расширения семантической структуры слова является актуализация лексем *пятерка*, *шестерка*, *семерка*, *восьмерка*, и т. п.: с обозначения игральные карты, моделей автомобилей, номеров общественного транспорта в современной речи фокус перемещается на модели мобильных телефонов, создатели которых в описании моделей ограничиваются цифрой и одной-двумя буквами. Динамика значений отражена в толковых словарях, представляющих словарный состав различных исторических эпох: **восьмерка** – 2. *Игральная карта, имеющая восемь очков*. 5. *То же, что восьмерик (разг.): упряжка из восьми лошадей в одной запряжке* [18]; **восьмерка** – 1. *Название различных видов транспорта, нумеруемых цифрой 8 (трамвай, автобус и т. п. маршрута № 8)* [15]; **восьмерка** – (ж. разг.) *легковой автомобиль модели ВАЗ-2108 марки «Жигули», выпускаемый Волжским автозаводом* [19].

Лексическое значение ‘модель мобильного телефона’ еще не зафиксировано в современных толковых словарях, но примеры его актуализации уже встречаются в газетных текстах:

1. *Компактный аппарат от Apple остался с физической кнопкой и внешностью «восьмерки», дизайну которого уже 5 лет (iPhone SE с 5G и абсолютно новый Mac // Москва 24. 2022.01).*

2. *Ни обычная восьмерка, ни 8 Plus не годятся к использованию – это объективно старые смартфоны (iPhone, которые точно не стоит покупать в 2022 году // Appleinsider.ru. 2021.12).*

Отметим, что наличие в первом примере кавычек является знаком метаязыковой рефлексии, характерной для фиксации новообразований.

Показательно также слово *персоналка*, которое зафиксировано в современной разговорной речи в значениях ‘персональная пенсия’, ‘персональный компьютер’, ‘персональная машина’, ‘персональные данные’, ‘персональная

тренировка' и 'персональная выставка'. Во всех словоупотреблениях сохраняется главный семантический компонент ключевого прилагательного, лежащего в основе универба: *персональный* – 'касающийся только данного человека, **личный**'.

Полирефрентность, как свидетельствуют многочисленные примеры, – отличительная черта многих новообразований-универбов. Приведенные примеры свидетельствуют о распространенности словоупотреблений, в которых один и тот же универб соотносится с широким кругом референтов [20, с. 6]. При этом развитие семантической структуры слова обычно связано с метонимическими моделями, однако слова, называющие далеко разошедшиеся реалии, хотя и связанные с исходным общим семантическим компонентом, позволяют говорить о разошедшейся полисемии и возникновении омонимов. Так, слово *нулевка* в профессиональной речи используется со значением 'нулевая жирность, продукт с нулевым процентом жирности', в спорте – со значением 'нулевая ничья'. В последние годы получило широкое распространение использование слова *нулевка* для обозначения нулевого (подготовительного) класса.

Как показывает материал, одни универбы имеют давнюю историю, прочно закрепились в словарях (ср.: *зачетка, мореходка, коммуналка* и т. п.), другие представлены лишь в словарях неологизмов. Ср.: **УДАЛЕНКА**, и, ж. Разг. 1. Об удаленном (дистанционном) режиме работы в период пандемии; то же, что дистанционка (2). 2. О дистанционном режиме обучения и проведения учебных мероприятий в период пандемии; то же, что дистанционка (1) [21, с. 243].

Большая же часть универбов или их новых значений пока не нашла лексикографической фиксации. Появившиеся в последние годы лексикографические издания [22–25] показывают не только актуальность описываемого в этих словарях явления, но и широту и пестроту языковых фактов, связываемых с понятием «универбы». Обратим внимание на то, что даже в названиях словарей отражена терминологическая пестрота (*универбы, универбаты, конденсаты*). Диффузность, сложность семантики универбов объясняет противоречия в составе словников и в представлении материала в словарях [26]. Подход к лексикографическому описанию осложняется тем, что словари универбов часто описывают реалии, актуальные для конкретного исторического периода, связанные с конкретными историческими событиями/личностями. Ср.: *афганка* – 'афганская куртка, маскировочная армейская одежда'; *брынцаловка* – 'брынцаловская водка, сорт водки, названной по имени В. Брынцалова,

одного из политических деятелей 1990-х гг.', *немцовки* – 'немцовские облигации нижегородского регионального займа, названные по имени руководителя области Б. Е. Немцова'. Эти ушедшие вместе с реалиями лексические единицы подчеркивают кратковременность жизни многих универбов. Словари при этом являются отражением непрерывно меняющейся жизни языка.

Распространены среди универбов и свернутые наименования внутригородских объектов, также описываемые в словарях: названия улиц, бульваров, проспектов, площадей (*Арсенальная улица – Арсеналка*, *Наличная улица – Наличка*, *Лиговский проспект – Лиговка*, *Триумфальная площадь – Триумфалка*), дорог, шоссе (*Московское шоссе – Московка*, *Киевское шоссе – Киевка*, *Рублевское шоссе – Рублевка*, *Ленинградское шоссе – Ленинградка*), станций метро (станция метро «Академическая» – *Академка*, станция метро «Гостиный двор» – *Гостинка*, станция метро «Гражданский проспект» – *Гражданка*), микрорайонов, парков, холмов (*парк Мурунский Ручей – Мурунка*, *Сосновый парк – Сосновка*, *Поклонная гора – Поклонка*). Показательна история слова *Магнитка*. Название Магнитогорского металлургического комбината мотивировало появление существующей уже многие десятилетия номинации *Магнитка*. Позже в разговорной речи жителей региона она стала использоваться как сокращенное разговорное название города. В последние годы этот универб стал официальным обозначением фирменного поезда Магнитогорск – Москва, а также разговорным наименованием местных спортивных клубов.

Отметим, что восприятие универбов – имен собственных зависит от уровня речевой культуры, от языкового вкуса говорящего или слушающего и, конечно, от особенностей коммуникативной ситуации: «Процент стихийности и субъективности в оценке и переоценке словоупотребления достаточно высок», что чрезвычайно затрудняет нормализаторскую деятельность [8, с. 129].

Как уже отмечалось, в связи с семантической неопределенностью и безусловной сниженностью многие из универбов стимулируют языковую рефлексию. Показателен фрагмент эссе писателя В. И. Новикова из его «Словаря модных слов»: «В презренную “социалку” выродилось у нас то, что на языке экономики, социологии и ответственной политики именуется социальной сферой. Почему мы прицепили к серьезному и жизненно важному понятию такой же пренебрежительный суффикс, как к какой-нибудь “супернице” (то есть практически бесполезной ре-

кламной продукции, на которую бездарно тратятся большие средства)? <...> Есть, впрочем, у слова “социалка” еще одно значение – социальная реклама. Броские плакаты, радиопризывы, видеоклипы... Вреда от этого, конечно, нет, насчет реальной пользы – судить не берусь. Такая “социалка”, по крайней мере, дает возможность подзаработать ее изготовителям и, стало быть, повышает жизненный уровень их семей. <...> В Интернете “социалками” все чаще называют “социальные сети”, social networks. И тут такое непафосное слово, по-моему, вполне уместно, тем более, что сетевой мир – среда по преимуществу молодежная» [1, с. 253]. Этот фрагмент в форме языковой рефлексии писателя выразительно демонстрирует особенности универбов: во-первых, показана актуальность этой словообразовательной модели (сопоставление социалка – сувенирка); во-вторых, показана их семантическая вариативность, многозначность, в-третьих, четко обозначена сфера употребления «непафосных» универбов.

Современные авторы активно используют универбы. Этот материал очень важен для понимания места слов этого словообразовательного типа в современной речи. Как отмечает В. И. Беликов, «языковые инновации зарождаются в повседневном узусе младшего поколения, постепенно проникая в письменные варианты языка, в том числе и в профессиональную беллетристику» [27, с. 75], и вызывая при этом противоречивые оценки [28]. Примечательно, что, предотвращая возникновение возможных коммуникативных неудач, авторы используют семантически согласованный контекст, гиперонимы, синонимы или описательные синонимичные номинации. Часто метаграфическим средством языковой рефлексии являются кавычки. Приведем несколько примеров, выделив курсивом универбы и метаязыковые операторы.

1. *Первым делом растопила голландку в коридоре, одним боком выходящую в столовую, а другим в кабинет Павла Егоровича. Голландка была старинная, красивая, с мраморной фигурой в нише. Потом принялась за плиту на кухне. Плита, тоже царских времен, всегда капризничала, угораривать ее нужно было, чтоб разгорелась и не дымилась!* (Устинова Т. Девчонки, я приехал).

2. *Мода изменилась – детей отдавали в семь, а то и в восемь. Многие скакали через класс: из третьего сразу в пятый. Позже ввели «нулевку» – нулевые классы, куда шли шестилетки, но вроде как уже школьники* (Маша Трауб. Второй раз в первый класс).

3. *Жизнь спустилась вниз, под землю, и это тоже было похоже на сон – библиотеки теперь*

работали под землей, Историчка была на «Белорусской», Ленинка – на «Маяковской», они работали в ночные часы, раздавая книги, обслуживая читателей, переживавших бомбежку ночи напролет, под ярким светом люстр (Минаев Б. Площадь Борьбы).

4. *Это невозможно логически объяснить! Идет матч. Напряженнейший! Весь мир следит. Четыре – четыре. Две последние партии остались. Ты играешь белыми. Ты – на подъеме. В предыдущей ты черными в сицилианке размазала Ли по стене. У тебя белые. Добить ее, потом сделать ничью в последней партии – и ты снова королева шахмат* (Сорокин В. De feminis. Гамбит).

5. *Футбол смотрите?*

– *Да так, поглядываю.*

– *Неинтересно стало, да? «Зенит» всех крушит, уже понятно, кто чемпионом станет.*

– *Да. В общем. Как там «Торпедо» ваше? В вышку собираются?* (Данилов Д. Саша, привет!).

В заключение приведем еще один пример, в котором представлены оба типа интересующих нас лексических единиц:

К тому моменту, когда решила отцепляться, мне уже было трудно дотянуться до подушки отцепки. Центробежная сила сделала руки пудовыми, и только ужас, только острый животный страх заставил меня дотянуться до груди и уже на критической высоте дернуть кольцо запаски. И – открылся, потрянув меня, запасной купол! (Рубина Д. Бабий ветер).

Примечательно, что в этом текстовом фрагменте отглагольное существительное *отцепка* и универб *запаска* во избежание коммуникативной неудачи, связанной с восприятием профессионализмов-конденсатов, приводятся вместе с производящими единицами.

Заключение

Проведенное исследование показало коммуникативную значимость в современной речи двух процессов – образование отглагольных существительных и универбов с омонимичным суффиксом. Обращение к лексикографическим изданиям позволяет выявить типичный механизм лексико-семантического варьирования – метонимию, которая вместе с компрессивным словообразованием согласуется со стремлением говорящего лаконично передать ту или иную мысль или с помощью одной лексемы обозначить новые реалии.

Описанные в статье явления, характерные на определенном этапе развития языка для разговорной речи, часто воспринимаются как проти-

воречашие языковой и узуальной норме и вызывают негативные оценки. Принятие или непринятие подобных единиц регулируется языковым вкусом и языковой модой. Со временем языковой отбор определяет место подобных единиц в язы-

ке и характер их лексикографической фиксации. Новейшая отечественная литература демонстрирует типичные для современной речи словоупотребления и сопровождающие языковую рефлексию метаоператоры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новиков В. Л. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2019. 352 с.
2. Вепрева И. Т., Мустайоки А. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62.
3. Федорова Л. Л. Мода в языке и коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 2. С. 220–229.
4. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
5. Щербакова Н. Н. Морфемная и семантическая деривация в процессе языковой игры // Лингвистика креатива – 2 / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 259–271.
6. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 216 с.
7. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. 3-е изд, испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2011. 328 с.
8. Валгина Н. С. Активные процессы в русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
9. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1984. 228 с.
10. Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.: Наука, 1971. Т. XXX. Вып. 6. С. 509–523.
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
12. Черникова Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. № 1. С. 82–90.
13. Антропова Л. И. Вариативность языковой нормы // Вестник ЧелГУ. 2013. № 35 (326). С. 8–10.
14. Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. Вып. 1. 776 с.
15. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с.
16. Дозорова Д. В. Универбация как активный процесс современного словопроизводства // Русский язык в школе. 2013. № 11. С. 29–34.
17. Соколовская Т. Д. Активные процессы в современном русском языке (универбация, конденсация и другие сокращения). М.: Гос. ин-т рус. языка им. А. С. Пушкина, 2004. 154 с.
18. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. I–IV. 88405 с.
19. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Т. 1–2. 1242 с.
20. Ван Циньсян. Русские неологизмы-универбы: способы образования, семантика, особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 18 с.
21. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемьшева. СПб., 2021. 550 с.
22. Осипова Л. И. Новые слова в русском языке. Суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к(а): словарь-справочник по материалам прессы и лит. 60–90-х годов. М., 2000. 230 с.
23. Устименко И. А. Словарь семантических конденсатов русского языка. Лексико-словообразовательный. Воронеж, Белгород, 2004. 272 с.
24. Химик В. В. Словарь языковой экономии: «Одно слово вместо двух». СПб.: МИРС, 2014. 203 с.
25. Клименко Г. В., Марков Е. М. Словарь универбатов современного русского языка. М.: Академия, 2019. 112 с.
26. Голанова Е. И. Многозначность суффиксальных универбов и ее отражение в ТССР // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 2. С. 31–36.
27. Беликов В. И. Чуваки унывают, или Реальный способ конкретно отслеживать динамику узуса // Мода в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2014. 341 с.

28. Пахомов В. Молочка, кондитерка, элитка, канцелярка... Почему нас раздражают такие слова? // Сто текстов о языке. М.: Городец, 2021. Кн. 1. С. 158–159.

References

1. Novikov V. *Slovar' modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti* [Dictionary of fashionable words. The linguistic picture of modernity]. Moscow, Slovart Publ., 2019. 352 p. (in Russian).
2. Vepreva I. T., Mustayoki A. *Kakoye ono, modnoye slovo: k voprosu o parametrah yazykovoy modifikatsii* [What is it, a fashionable word: on the question of the parameters of language fashion]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*, 2006, no. 2 (28), pp. 45–62 (in Russian).
3. Fedorova L. L. *Moda v yazyke i kommunikatsii* [Fashion in language and communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology*, 2012, no. 2, pp. 220–229 (in Russian).
4. Kostomarov V. G. *Nash yazyk v deystvii: ocherki sovremennoy russkoy stilistiki* [Our Language in Action: Essays on Modern Russian Stylistics]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 287 p. (in Russian).
5. Shcherbakova N. N. *Morfemnaya i semanticheskaya derivatsiya v protsesse yazykovoy igry* [Morphemic and semantic derivation in the course of a language game]. *Lingvistika kreativa-2. Pod obshchey redaktsiyey professora T. A. Gridinoy* [Linguistics of creativity-2. Under the general editorship of prof. T. A. Gridina]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2012. Pp. 259–271 (in Russian).
6. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [Role of the human factor in language. Languages and picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 216 p. (in Russian).
7. Zemskaya E. A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye. 3-e izdaniye, ispravlennoye i dopolnennoye* [Contemporary Russian. Word formation]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 328 p. (in Russian).
8. Valgina N. S. *Aktivnyye protsessy v russkom yazyke* [Active processes in the Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p. (in Russian).
9. Norman B. Yu. *Grammatika govoryashchego* [Speaker Grammar]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 1984. 228 p. (in Russian).
10. Apresyan Yu. D. *O regul'arnoy mnogoznachnosti* [On regular polysemy]. *Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka. Tom XXX. Vyp. 6* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language. Vol. XXX. Iss. 6]. Moscow, Nauka Publ., 1971. Pp. 509–523 (in Russian).
11. Lakoff D., Dzhonson M. *Metafor'y, kotorymi my zhivem: perevod s angliyskogo. Pod redaktsiyey i s predisloviyem A. N. Baranova* [Metaphors we live by. Translation from English. Edited and with a foreword by A. N. Baranov]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (in Russian).
12. Chernikova N. V. *Metafora i metonimiya v aspekte sovremennoy neologii* [Metaphor and metonymy in the aspect of modern neology]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 2001, no. 1, pp. 82–90 (in Russian).
13. Antropova I. I. *Variativnost' yazykovoy normy* [Variability of the language norm]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 35 (326), pp. 8–10 (in Russian).
14. *Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoy rechi. Otvetstvennyy redaktor L. P. Krysin* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 776 p. (in Russian).
15. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh. Pod redaktsiyey A. P. Evgen'yevoj* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Ed A. P. Evgenyeva]. Moscow, Russkiy yazyk: Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. 1. 702 p. (in Russian).
16. Dozorova D.V. *Univerbatsiya kak aktivnyy protsess sovremennoy slovoobrazovaniya* [Univerbation as an active process of modern word production]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2013, no. 11, pp. 29–34 (in Russian).
17. Sokolovskaya T. D. *Aktivnyye protsessy v sovremennoy russkoy yazyke (univerbatsiya, kondensatsiya i drugie sokrashcheniya)* [Active processes in modern Russian (univerbation, condensation and other abbreviations)]. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2004. 154 p. (in Russian).
18. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Pod redaktsiyey D. N. Ushakova* [Explanatory Dictionary of Russian Language. Ed D. N. Ushakov]. Moscow, OGIz Publ., 1935–1940. Vol. I–IV. 88405 p. (in Russian).
19. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language: explanatory and derivational]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. Vol. 1–2. 1242 p. (in Russian).
20. Van Tsinsyan. *Russkiye neologizmy-univerby: sposoby obrazovaniya, semantika, osobennosti funktsionirovaniya. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Russian neologisms-univerbs: methods of formation, semantics, features of functioning. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2016. 18 p. (in Russian).

21. *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi. Otvetstvennyy redaktor M. N. Priyomysheva* [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. Saint Petersburg, 2021. 550 p. (in Russian).
22. Osipova L. I. *Novyye slova v russkom yazyke. Suffiksaly'nyye univerby zhenskogo roda s suffiksom -k(a): slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60–90-kh godov* [New words in Russian. Suffixal feminine univerbs with the suffix -k(a): Dictionary-reference book on press materials and literature. 60–90s]. Moscow, 2000. 230 p. (in Russian).
23. Ustimenko I. A. *Slovar' semanticheskikh kondensatov russkogo yazyka. Leksiko-slovoobrazovatel'nyy* [Dictionary of semantic condensates of the Russian language. Lexical and derivational]. Voronezh – Belgorod, 2004. 272 p. (in Russian).
24. Khimik V. V. *Slovar' yazykovoy ekonomii: "odno slovo vmesto dvukh"* [Dictionary of Language Economy: "One word instead of two"]. Saint Petersburg, MIRS Publ., 2014. 203 p. (in Russian).
25. Klimenko G. V., Markov E. M. *Slovar' univerbatov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Univerbats of the Modern Russian Language]. Moscow, Akademiya Publ., 2019. 112 p. (in Russian).
26. Golanova E. I. Mnogoznachnost' suffiksaly'nykh univerbov i yeyo otrazheniye v TSRR [The polysemy of suffixal univerbs and its reflection in the Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova – Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2019, no. 2, pp. 31–36 (in Russian).
27. Belikov V. I. Chuvaki unyvayut, ili Real'nyy sposob konkretno otslezhivat' dinamiku uzusa [Dudes get discouraged, or a real way to specifically track the dynamics of the usus]. *Moda v yazyke i kommunikatsii* [Fashion in language and communication]. Moscow, RSUH Publ., 2014. 341 p. (in Russian).
28. Pakhomov V. *Molochka, konditerka, elitka, kantselyarka... Pochemu nas razdrzhayut takiye slova?* [Milk, confectionery, elite, stationery... Why do we get annoyed by such words?]. Moscow, Gorodets Publ., 2021. Pp. 158–159 (in Russian).

Информация об авторе

Черняк В. Д., доктор филологических наук, профессор, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Набережная р. Мойки, 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186).

Information about the author

Chernyak V. D., Doctor of Philology, Professor, Professor, Herzen State Pedagogical University (Naberezhnaya reki Moyki, 48, Saint Petersburg, Russian Federation, 191186).

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; принята к публикации 26.09.2023

The article was submitted 10.07.2023; accepted for publication 26.09.2023